

УДК 316.3:81'26 + 316.4.063.24

О. С. Мантуров

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА»

В статье производится деконструкция понятия «социальная структура», позволяющая проследить становление понятия в научном дискурсе и выявить основные механизмы структурных проявлений. Устанавливается круг значений данного термина и очерчивается область смыслов, в которой он может и должен вращаться. В статье провозглашается необходимость трансформации статуса и смысла термина «социальная структура». Автор призывает к отказу от редукционистских представлений о структуре, предлагает отойти от представления структуры в качестве модели и изучать ее функционирование в динамике, в пространственно-временном измерении.

Ключевые слова: деконструкция, дифференциальность, социальная структура, структурирование, процессуальность.

Статья посвящена исследованию смысла и способов применения термина «социальная структура». Время сыграло с ним злую шутку: данный термин стал настолько актуальным, что редкий исследователь задумывается о том, какой смысл следует в него вкладывать и какова изначальная область его применения. На стадии постклассического этапа научного теоретизирования, связанного не столько с отрицанием классических парадигм, сколько с необходимостью выработки новых типов образцов, обуславливающих механизмы сосуществования социальных систем, становится особенно важным определиться с универсальными терминами, используемыми в большинстве исследований, отказаться от которых невозможно ни при каких условиях. Термин «социальная структура», занимающий в данном проблематическом поле одну из первых позиций, определенно нуждается в деконструкции — переосмыслении, раскрытии смыслового спектра и исключении из него всевозможных противоречий и предрассудков.

В основе понятия «структура» лежит латинское *struere*, что можно перевести как «строить», «соединять». Тем самым представления о структуре изначально связаны с отсылкой к «строению», «конструкции»: «Изначально понятие “структура” относится лишь к пространству, морфологическому или геометрическому порядку форм. Этот термин служил метафорой для обозначений пространственных коннотаций» [6, 26]. Второе значение термина *structura* — расположение, порядок. Данные значения термина остаются актуальными и в эпоху Нового времени. В XVIII в. в научный оборот вводится словосочетание «органическая структура». М. Фуко в своей работе «Слова и вещи» отмечал активное его использование в рамках «естественной истории», у Линнея, Бонне и др. (оно служило для понимания образования сложных тел из простых элементов). К XIX в. (у Ламарка, Жюсье) оно служит уже для определения признаков: «Оно подчиняет одни признаки другим, связывает их с функциями, располагает их согласно архитектонике не только внутренней, но и внешней, столь же невидимой, сколь и видимой, оно распределяет эти признаки в ином пространстве, нежели пространство имен, речи и языка» [11, 257]. Понятие «структура» использовалось и для противопоставления органической и неорганической природы. Использование понятия органической структуры, отмечает Фуко, помогало описывать: а) иерархию признаков, б) связь признаков с функциями, в) связи между различными органами в рамках организма как целого, г) совокупности живых существ. В конечном счете использование понятия органической структуры в работах Ламарка помогло последнему сосредоточить внимание на двух отдельных друг от друга областях исследования: описании видовых сходств и постепенных преобразований.

В XIX в. термин «структура» всплывает в некоторых дисциплинах научного знания: в химии (в теории химического строения вещества), психологии (у В. Вундта, К. Эренфельса), лингвистике (у Ф. де Соссюра). В начале XX в. данный термин используется антропологами (Б. Малиновским, А. Рэдклифф-Браун) и литературоведами (Б. Томашевским). Именно в этих областях знания термин «структура» приобретает особую актуальность в XX в. В 1928 г. на Первом Международном конгрессе лингвистов в Гааге термин «структура» используется в словосочетании «структура системы» [9, 140]. Структура тем самым выступила набором сочетаний, из которых создавалась индивидуальная конфигурация языка. «Структурный» фактически означало «системный».

Стоит заметить, что в прошлом столетии термином «структура» пользовались практически все социальные и гуманитарные науки. Такая «актуализация» сыграла с данным понятием злую шутку: оно не просто приобрело множество значений, но чуть ли не каждый исследователь посчитал своим долгом придать ему собственный, «авторский», смысл. Научное сообщество словно подхватывает призыв, провозглашенный однажды Я. Э. Голосовкером: «Не только все физическое, но и все ментальное, все духовное имеет свою структуру, — безразлично, будет ли оно дано в положительном или отрицательном плане» [2, 100]. Такая постановка вопроса не могла устраивать научное сообщество: в 1959 г. в Париже по инициативе ЮНЕСКО проводится коллоквиум, посвященный правильности употребления термина «структура» [7]. Четко

выделяются два способа применения термина: 1) относящий структуру к реальным объектам («реальные структуры») и 2) определяющий ее как информационную конструкцию, модель («формальные структуры»).

Первый способ применения был характерен, например, для биологии, второй — для математики («структуры упорядоченного множества», «топологические структуры»). Уже тогда такой способ решения проблемы не мог устраивать многих ученых. Так, Ж. Пиаже говорил о необходимости различения «универсальной» структуры (термин, который может использоваться в любой области) и «частных» структур (значение термину задается конкретной научной областью или школой, которые его используют). Основными определяющими характеристиками структуры, согласно Пиаже, должны выступать целостность (подчинение элементов целому), трансформация (возможность упорядоченного перехода одной структуры в другую) и саморегулирование (внутреннее функционирование правил в системе) [14]. В 1974 г. проходит 69-е годовое заседание Американской социологической ассоциации, провозгласившее девиз для своей работы: «Фокус на социальную структуру» [9, 48].

Изучением области применения термина «социальная структура» пристально занимался польский социолог П. Штомпка. Анализируя спектр значений термина, он выделяет четыре основных способа его применения: а) структура как связи, существующие между элементами; б) структура как нечто регулярное, устойчивое, закономерное; в) структура как фундамент, «существенное измерение»; г) структура как «детерминирующее, определяющее влияние в отношении эмпирических явлений» [12, 4]. Сам же П. Штомпка предлагает использовать обобщенное, универсальное значение термина «структура»: «Структура — это скрытая сеть устойчивых и регулярных связей между элементами в какой-либо области реальности, существенным образом влияющая на развитие явлений, наблюдаемых в этой области» [Там же]. «Социальная структура» для Штомпки — категория абстрактная, лишенная конкретизации; она необходима для объяснения конкретики общественной жизни, но является при этом сугубо теоретической. В отличие от общественной жизни социальная структура не может быть наблюдаема. Эта категория служит для упорядочения и объяснения социальных фактов. Социальная структура тем самым лишь «аспект» социальной реальности, проявляющий себя в четырех «измерениях»: 1) «нормативное» (провозглашенное Дюркгеймом); 2) «идеальное» (совокупность идей и убеждений, распространенных в обществе); 3) «интеракционное» (взаимная ориентация членами общества своих действий); 4) «измерение, касающееся различных и связанных интересов», распределения доступа к общественным благам (очевидна отсылка к исследованиям К. Маркса). Думаю, можно назвать данное измерение «иерархическим». Эти измерения предстают перед Штомпкой как нечто единое целое, «структура структур», «метаструктура», «структура второго порядка».

К схожим выводам приходит в своих работах и М. Н. Руткевич. Прежде всего, стоит отметить, что Руткевич смог обозначить наиболее распространенные ошибки в трактовке термина «структура». Они таковы: 1) понятие структуры используют, замещая им понятие системы, т. е. понимают под структу-

рой некую организацию; 2) общепринятое определение структуры как совокупности связей между элементами сужают до определения ее как «закона связи элементов» в системе, т. е. относят к структуре только основные, главные связи. Сам же Руткевич предлагает при определении структуры обязательно: а) принимать во внимание иерархичность строения социальной системы (любая социальная система расчленена на подсистемы, каждая из которых также состоит из подсистем), б) подразумевать под социальной структурой общества спектр, клубок различных структур, в) учитывать процессы дифференциации и интеграции и отображающие их категории [10, 52]. Выстраивая собственную типологию социальных структур, он выделяет три основных типа: 1) глобальный: речь идет о социальной структуре всего общества на Земле (а не об отдельном социуме); 2) структура связи и взаимодействия различных областей, сторон общественной жизни (экономическая структура, политическая структура и т. п.); 3) структура связи и взаимодействия социальных групп, слоев и других общностей. По мнению Руткевича, основной вид социальной структуры — социально-классовая, поскольку именно она определяет все остальные. Менее значимые социально-демографическая, социально-территориальная, профессионально-квалификационная и т. д. Менее всего исследователя, согласно убеждению Руткевича, должна заботиться так называемая «структура личности»: «Структура личности не может быть положена в основу структуры социальной системы. Для того чтобы перейти от структуры личности к структуре общества в более широком аспекте, чем обрисованный выше, нужны дополнительные послышки» [Там же, 70].

Децентрированность структуры

И Руткевич, и Штомпка выделяют среди самых существенных одну (основополагающую для них, надо заметить) характеристику социальной структуры — ее связь с социальными общностями. Такими общностями могут выступать социальные институты, слои общества, классы людей, большие и малые группы. Но можем ли мы, отмечая существование проблемы структурирования социальности, заикливаться только на социальных общностях? Очевидно, что социальность и коллективность не совсем одно и то же. Или же совсем не одно и то же. Социальные общности лишь одна сторона медали. Вторая, не менее важная, — личности. Очевидно, что личности играют какую-то роль в становлении социальности и ее структур. Социальность не эфемерный объект, представление о существовании социальности без человека по меньшей мере абсурдно. Тем не менее преувеличение роли личности в организации социальной структуры также не позволяет нам описывать социальные структуры с позиции их собственной организации. Рассмотрение структуры с позиции социальных общностей (этой традиции придерживаются как П. Штомпка, так и М. Н. Руткевич), равно как и актуализация роли личности в процессе структурирования, являет собой пример ошибочного редукционизма, сведения сложно функционирующей социальной системы к отдельным ее проявлениям (на это прямо указывал Э. Гидденс [1, 71]). Это приводит нас к целому калейдоскопу

концептов, базирующихся главным образом на системном аспекте структуры: «В каких бы контекстах, сопоставлениях или противопоставлениях ни использовалось понятие структуры (в гуманитарных науках, в социологии, в топологии конца XIX — начала XX в.), неизменным остается ее понимание как совершенной функционирующей системы» [8, 22].

Анализ, претендующий на более или менее удовлетворительное объяснение понятия социальной структуры, должен в первую очередь доказать необходимость самого этого понятия. Даже если принять во внимание классическое определение структуры (структура как нечто стабильное, неизменное, повторяющееся), то мы наталкиваемся на череду более распространенных терминов и категорий, выражающих в обыденном языке те же самые представления: «Чтобы узнать, почему говорят “структура”, нужно знать, почему появляется желание больше не говорить *eidos*, “сущность”, “форма”, *Gestalt*, “множество”, “композиция”, “комплекс”, “конструкция”, “корреляция”, “тотальность”, “Идея”, “организм”, “состояние”, “система” и так далее. Нужно понять, почему каждое из этих слов обнаружило свою недостаточность и почему также понятие структуры по-прежнему заимствует у них некое скрытое значение, позволяя им гнездиться в себе» [6, 47]. Общее у термина «структура» и группы этих понятий — акцентирование на центрированности (выделении центра, вокруг которого образуется структура) и закрытости (как одном из условий неизменности, стабильности).

Любая структура мыслится центрированной, выстраивающейся вокруг некоего объединяющего начала или принципа (что, собственно, и дает структуре ее номинальное определение). Центр становится тем источником, который во многих отношениях определяет пространство структуры. Центричность задавала координаты структур общества в социальном пространстве, а также четко указывала границы, за пределами которых всякое структурирование социальности наталкивается на хаотичность, непредсказуемость развития. Не менее важным остается и принцип структурной закрытости. Закрытость структуры предполагает правила и границы этой игры элементов, при которой содержательные изменения не оказывают рокового влияния на форму самой структуры. Границы и область применения разнообразнейших трансформаций определялись изнутри самой структуры. Только принимая во внимание закрытость структуры, ее способность противостоять чуждым влияниям (то, что понимается как устойчивость структуры к изменениям), можно уловить само ее существование, представив социальную структуру тем самым некой идеальной моделью.

В этом заключается апория эмпирической закрытости и трансцендентальной открытости структуры. Любые метафорические коннотации, вращающиеся вокруг пространственных детерминант, заведомо будут приводить нас в тупик. Отвергая последовательно каждый из этих принципов, мы необходимо приходим к представлению об открытости и децентрированности как о способах существования структуры. Помимо этого мы должны видеть за структурой не только форму, но и содержание: «*Форма* соблазняет, когда нет больше сил понимать силу изнутри ее самой» [Там же, 11]. Структура всегда — единство

формы и содержания, смысла и значения. Тематизируя и исключая из понятия «социальная структура» геометрическую репрезентацию унифицированного и централизованного пространства, мы тем самым приблизимся к представлению о ее собственной структуральности.

Акцентируя свое внимание главным образом на пространственных детерминантах, роковой ошибкой будет придавать меньшее значение временному измерению. При этом время выступает фактором, влияющим не столько на распад структуры, сколько на ее становление. От ошибки подобного рода и предостерегал нас Деррида: «В самом деле, пока метафорический смысл понятия структуры не признан *в качестве такового*, то есть не исследован и, быть может, даже не разрушен в своей фигуральной силе, что необходимо для пробуждения не-пространственности или особой пространственности, указанной в нем, мы рискуем... смешать смысл с его геометрической или морфологической, в лучшем случае — кинематической, моделью. Мы рискуем заинтересоваться самой фигурой в ущерб игре, которая разыгрывается здесь метафорой» [6, 27]. Отказ от подобных принципов ведет нас к признанию не-пространственности, или опространствования, структуры (ее функционирования в динамике, в пространственно-временном измерении). Далее Деррида заключает: «Структуральность структуры — это “фундаментальная”, “сущностная” структура; она позволяет целостности открывать саму себя и выходить за свои пределы. Без открытия и, стало быть, предвосхищения своей конечной цели любая закрытая структура бессмысленна. Это открытие трансцендентального рода. Это структурное открытие, или структуральность открытия» [8, 24].

Сделаем промежуточный вывод: говоря о социальной структуре, мы вынуждены подразумевать под ней не просто некую идеальную модель, но некое одновременно открытое и закрытое, статичное и историчное, устойчивое и динамичное образование. Социальная структура изначально представляет собой трансцендентально открытую множественность, процессуальность, подразумевающую собственное развитие в самых разных альтернативных направлениях.

Принцип структуральной бесконечности

Итак, само предположение об устойчивой структуре всегда основано на молчаливом постулировании некоего центра, выявление которого позволяет упорядочить элементы структуры в единый строгий ансамбль. «Функция этого центра заключалась не только в том, чтобы сориентировать, уравновесить и организовать структуру — ведь неорганизованная структура и в самом деле немыслима, — но, самое главное, в том, чтобы сам принцип организации структуры полагал предел тому, что можно было бы назвать ее *игрой*. Несомненно, что центр структуры, ориентируя, организуя и обеспечивая связность системы, допускает игру элементов внутри целостной формы. И сегодня структура, лишенная всякого центра, по-прежнему представляет само немыслимое» [6, 445]. Для Ж. Деррида этот «центр» не объективное свойство структуры, а фикция, постулированная наблюдателем, результат его «силы желания». То есть,

не отвергая наличия у структуры центра, он тем не менее отрицает их генетическое родство («центр не принадлежит структуре») и подчеркивает внешний, субъективный характер центричности структуры. Принцип децентрации структуры оставляет нам тем самым лишь две возможности: либо структура функционирует вообще без какого-либо центра, либо же она ориентируется в своем становлении на несколько сосуществующих друг с другом центров (и является тем самым скорее плюральной, нежели сингулярной).

Таким образом, неразрывно связанными между собой оказываются принцип «структуральности структуры» как игры различия и невозможность репрезентации, тотализации структуры. «Игра различия» проявляет себя в сериях бесконечных замещений, совершающихся в очерченном пространстве конечного множества. Конечность пространства структуры, ограниченность его области как раз и предполагает необходимость бесконечных замещений как основополагающий принцип самой возможности существования-становления структуры. Так структура в своем непрерывном становлении оказывается принципиально нетотализуемой, окончательно незавершенной.

Структурная бесконечность как «игра различия», бесконечность замещений центра, сопротивляется окончательной тотализации. Она предполагает возможность истинного бесконечного (по Гегелю) и даже возможность тотализации, но таким образом, что она дополнительно обременяется, ограничивается постоянной отсылкой к иному, другому центру. Существованием этого иного центра и задается невозможность окончательной тотализации структуры, благодаря чему структура не может сформироваться окончательно, исключив появление разного рода девиаций. Но если структурная бесконечность неизбежна, то причина этого в том, что она конечна. Главное здесь — «избыточная природа конечности, бесконечность неприсваиваемости ее смысла, ее отказ закрыться на себе полностью» [13, 6]. Бесконечность структурных трансформаций и вариаций ее развития, однако, очерчена конечностью области существующих элементов самой структуры. Но расположение этих элементов в обход тотализующего центра и детерминирует собой игру бесконечных замещений. Закон данной игры структурален, поскольку «в отсутствие» тотализующего центра с необходимостью порождает возможность бесконечных замещений. Такая игра, которая налагает запрет на тотализацию, не более конечна, чем бесконечна, и, как пишет Деррида, «больше не может пониматься в оппозиции конечности и бесконечности, отсутствия и присутствия, отрицания и утверждения» [5, 134].

Для нас остается открытым еще один вопрос, ответ на который позволит нам прийти к пониманию социальной структуры как такого явления, функционирование которого задает ритм социальности и обеспечивает воспроизводство общественных связей. Это вопрос о том, насколько возможно объяснить сущность структуры в терминах ее собственной организации. Столь популярный некогда деятельностный подход, при актуализации субъекта как активно действующей силы, приводит нас к порочному кругу, в котором мы не можем обосновать то, что изначально намеревались, без перекрестных ссылок: так, если мы допускаем зависимость действия от производящего его субъек-

та, не отрицая при этом его зависимость от существующей социальной структуры, то сама структура оказывается немислимой без заранее произведенных действий. То есть сама структура предполагает возможность для действий субъектов, но при этом она получает свой статус лишь исходя из того, что эти действия являются уже изначально структурированными.

Деконструкция понятия «социальная структура» не может быть осуществленной до конца лишь с выявлением и переосмыслением ряда пространственных метафор, обосновывающих само понятие структуры. Расслоение структуры на составные части, выявление конструкции и пространственных детерминант — лишь первый шаг. Следующим шагом должна стать реконструкция, поиск неких доминант, позволяющих структуре функционировать в метастабильных состояниях. Наша задача теперь будет заключаться в объяснении самой возможности индивидуации структуры, иначе говоря, «структуральности структуры» изнутри самой структуры.

Критерии актуализации структуры

На чем основывается «структуральность структуры»? Не только на ее «геометрических» (критерии выделения структуры, делающие ее для нас зримой, придающие ей форму) и «архитектонических» (придающие ей содержание, соответствующее форме, т. е. механизмы функционирования) параметрах, но и на категориях длительности. Главный вопрос для нас заключается теперь в том, чтобы заменить проблему обусловливания на проблему становления. Такой переход осуществим только при условии трансформации статуса и смысла структуры. Эта трансформация связывается нами с выдвиганием на первый план такого принципа функционирования структуры, как процессуальность. Если сущность или формы всегда даны нам наперед, то структура определяется в процессе, по ходу дела.

Для описания структуры в процессе мы должны выделить критерии или параметры этого процесса. Эти критерии мы обнаруживаем, в частности, в исследованиях Ж. Делеза. Делез пишет: «...“структурализм” представляется нам, пожалуй, единственным средством, с помощью которого генетический метод может реализовать свои амбиции» [4, 227]. Но структуру он определяет не в качестве вневременного кода или формальной аксиоматической системы. Напротив, основой его определения служит анализ математических структур, представленный в трудах А. Лотмана и Ж. Вюйемена.

Делез выделяет следующие минимальные условия, необходимые для существования любой структуры вообще: 1) структура должна состоять не меньше чем из двух разнородных серий, одна из которых определяется как «означаемая», а другая — как «означающая». Каждая из этих серий маркирована — одна посредством недостатка, другая посредством избытка, что не позволяет установиться статичному равновесию между этими сериями; 2) каждая из данных серий состоит из элементов, существующих только благодаря отношениям, поддерживаемым ими между собой. Значимости этих отношений соответствуют особые события, сингулярности. Сингулярности, относящиеся

к одной серии, благодаря дифференциальным отношениям внутри структуры могут определять элементы другой серии; 3) существует некий парадоксальный элемент структуры, выступающий в качестве различителя двух серий, — он не принадлежит всецело ни одной из них, но циркулирует в каждой из серий, образуя тем самым проблематическое пространство структуры. Делез называл такие элементы «алеаторными точками». Проявляясь в одной серии как избыток чего-либо, во второй он уже выступает как недостаток. Алеаторные точки выполняют функцию соединения серий в единое структурируемое пространство, отображения серий друг в друга, а также распределения сингулярных точек. Исходя из вышеизложенного, Делез делает вывод: «Не бывает структуры без серий, без отношений между терминами каждой серии и без сингулярных точек, соответствующих этим отношениям; и, более того, не бывает структуры без пустого места, приводящего все в движение» [3, 74].

Итак, мы получаем две группы критериев, определяющих существование структуры.

Первую группу составляют элементы структуры, дифференциальные отношения между ними и соответствующее этим отношениям распределение рядов сингулярностей. Эта группа позволяет нам зафиксировать структуру как единое целое образование, имеющее определенную форму и определенную логику внутреннего развития. Она направлена на выявление проблематического поля любой структуры, в том числе и структуры социальной: «События можно обсуждать только в контексте тех проблем, чьи условия определены этими событиями. События можно обсуждать только как сингулярности, развернутые в проблематическом поле, в окрестности которого организуются решения» [Там же, 80]. Именно поэтому многие социальные проблемы и остаются неразрешимыми (как со стороны ученых-социологов, так и со стороны управленцев-политиков): проблема преподносится как событие, произошедшее здесь и сейчас, безусловно, связанное с некоторыми другими событиями, но решается она в отрыве от них. Решение проблемы ищется лишь в ее собственном проблемном поле, но не принимаются во внимание многочисленные аттракторы и элементы, являющиеся «молчаливыми участниками» событий, вызывающие определенную реакцию, но принадлежащие при этом иным областям социальности. В стремительно меняющемся современном мире таких «блуждающих точек», «отсутствующих субъектов», «молчаливых посредников» между разными сообществами становится все больше, и их влияние нарастает до такой степени, что слишком опрометчиво его не замечать. Общество представляет собой динамическую систему, и найти основу этой динамики в его собственной социальной структуре — наша задача.

Вторая группа критериев как раз и определяет условия генезиса структуры, ее внутренних механизмов, позволяющих ей быть открытой, принципиально незавершенной, динамической. Данную группу составляют серии (как мы выяснили ранее, их не может быть меньше двух) и объединяющие их в единую структуру алеаторные точки. Это позволяет нам говорить о структуре как о множестве, в котором разнородные элементы связаны между собой серийно в соответствии с комплексными отношениями схождения и расхож-

дения (или бифуркации). Делез так описывал эту структурную динамику: «От серии к серии какие-то сингулярные точки либо исчезают, либо раздвигаются, либо меняют природу и функцию. В тот момент когда две серии резонируют и коммуницируют, мы переходим от одного распределения к другому. То есть в тот момент, когда парадоксальная инстанция пробегает по сериям, сингулярности смещаются, перераспределяются, трансформируются одни в другие, они изменяют свою совокупность» [3, 76]. События не только идеальны, но и переменны, и переменность эта задается существованием в структуре алеаторных точек. Это точки схождения серий, по притяжению к которым распределяются ординарные элементы структуры и результатом действия которых выступают вариации дифференциальных отношений внутри структуры. Структура тем самым сама несет в себе переменный характер, определяя собственное пространство как порядок мест при вариации дифференциальных отношений.

Последнее, что стоит отметить, говоря о критериях структуры, это ее существование в метастабильных состояниях. Метастабильность структуры приводит к самой возможности ее индивидуации. Дифференциальные отношения первой стороны структуры определяют ее виртуальные качества (собственно, процесс становления), тогда как виртуальные сингулярности — актуальные протяженности (становящиеся как результат этого непрерывного процесса структурирования). Структура тем самым представляется нам процессом, формирующим свои собственные дифференциальные элементы: «Этими новыми элементами и являются “качества” и “протяженности”. Однако если индивидуация порождает эти новые элементы, в конечном счете интегрирующие различия, то только в той степени, в какой индивидуация обозначает область интенсивности, включенной в движение собственной экстенсификации, характеризующееся тем специфическим путем, каким разнородные серии сообщаются между собой в пределах системы. Но как индивидуация она не экстенсивна и не распределяется в экстенсивные качества» [8, 35].

Осуществленная нами деконструкция термина «социальная структура» позволяет сделать следующий вывод: структура общества — это пребывающая в метастабильном состоянии виртуальная множественность дифференциальных элементов (как ординарных, так и сингулярных), сосуществующих серийно в пространственно-временных отношениях. Ключевым для нас является установление в социальной структуре процесса, формирующего свои собственные дифференциальные элементы, интенсивность которого неотделима от экстенсивности. Соответственно такими же сторонами процесса становления социальной структуры являются пространства проблематического и пространства решений: не только одно невозможно без другого, но и каждое из этих социальных пространств несет в себе отсылки к другому (так, решение является не просто важным этапом становления проблематического, но и само несет в себе предпосылки для становления все новых проблем). Проблематическое предполагает решения, так же как и решения отдельно взятых участников

социального процесса порождают социальные диссоциации. В силу этого индивидуация социальной структуры никогда не предполагает индивидуации социальности как таковой.

-
1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2005.
 2. Голосовкер Я. Э. Логика античного мифа // Избранное. Логика мифа. М. ; СПб., 2010.
 3. Делез Ж. Логика смысла. М., 2011.
 4. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
 5. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999.
 6. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
 7. Дьяков А. В. Клод Леви-Строс: в поисках структуры // Хора. 2010. № 1/2 (11/12).
 8. Керимов Т. Х. Общество различия: дифференциальная теория структуры // Общество различия и современная социальная онтология II : материалы круглого стола. Екатеринбург, 2010.
 9. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008.
 10. Руткевич М. Н. Социальная структура. М., 2004.
 11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
 12. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социал. исслед. 2001. № 9.
 13. Nancy J.-L. The Sense of the World. Minneapolis, 1998.
 14. Piaget J. Le structuralisme. P., 1968.

Рукопись поступила в редакцию 17 июля 2014 г.